

Выводы

Публицистика Сталина являет собой подготовленное всей историей большевистской словесности, но все же беспримерное для нее сочетание и взаимообратимость полярных качеств. Стальная решимость взаимодействует в его слоге с осторожной и расчетливой выжидательностью, жесткая определенность — с намеренной зыбкостью, приблизительностью, многозначность — с оупляющей монотонностью, высокопарный панегирик развитию, жизни, хроносу — с застылостью, мертвечиной и ахронной статикой. В этих диалектических антиномиях двойится его «авторская личность», выделяя из себя сакральное alter ego — парадоксальное воплощение скользкого и уклончивого абсолюта.

Триумфальное внедрение сталинизма в массовое сознание традиционно объясняется как раз «примитивизмом» его доходчивой стилистики, размноженной сверхмощной пропагандой. Однако для такого ужасающе плодотворного усвоения имелись и глубокие внутренние причины. На деле сталинский псевдопримитив таил в себе столь же сложные и амбивалентные структуры, что и т. н. примитив фольклорной архаики. Подлинная стилистическая гениальность Сталина сказалась в изощренной и преступной эксплуатации этого сокровенного родства, интуитивно уловленного партийно-низовой массой. В каком-то смысле сталинизм был и предельной самореализацией, и предельным саморазрушением народных начал.

ПРИМЕЧАНИЯ

Данная работа представляет собой отрывок из книги, которая должна выйти в 2000 году в издательстве журнала «Новое литературное обозрение».

1 Некоторое подтверждение этой мысли я нашел у К. Н. Камерона. Он с большим чувством порицает Сталина за идеалистический уклон, который усматривает у автора четвертой главы «Краткого курса» в примате «метода» (пусть даже диалектического) и «чистой логики» над самим материализмом, вытекающим, в подаче Маркса и Ленина, из практического, а не умозрительного изучения природы и социума. «Его абстрагирующий, аристотелевский метод, — резюмирует Камерон, — несомненно имеет культурные корни в его выучке в Тифлисской духовной семинарии». Особое возмущение вызывает у Камерона встречающаяся еще в дебютном «Анархизме или социализме» — и в 1946 с минимальными изменениями перенесенная в Сочинения — сталинская трактовка сознания и материи как «двух различных форм» природы или общества: «Постулировать некую третью силу как совместную основу для сознания и материи, — безразлично, называют ли ее природой или как-то иначе, — это не материализм, а идеализм, в конечном счете, возможно, производный от аристотелевского «перводвигателя» и напоминающий мнение Уильяма Джеймса (одобрительно отмеченное Бертрамом Расселом) о том, что “фундаментальное вещество [stuff] мира не ментально и не материально, — это нечто более простое и более фундаментальное” (т. е. Бог)» (*Cameron, Kenneth Neil. Stalin: Man of Contradiction. Appendix II. Dialectical Materialism: Stalin and After. Stevenage, Herts: The Strong Oak Press, 1989. P. 150–151*). Здесь не место оспаривать автора, путающего Аристотеля с Расселом, — замечу только, что он сильно переоценил сталинские таланты в области «формальной логики», а во-вторых, выказал удивительную невосприимчивость к метафизической составной и метафизическому генезису («via Hegel») самой марксистской философии. Однако в принципе Камерон несомненно прав, говоря о воздействии семинарского Аристотеля на сталинское мышление.

2 См.: *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 252.

3 *Плеханов Г. В.* Искусство и литература. М., 1948. С. 17, 27.

4 См.: *Волкоготов Д.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. II. Ч. I. С. 290.

5 «Меньшевики гораздо больше своих конкурентов-большевиков следовали букве марксизма, стараясь действовать в строгом соответствии с линией поведения Маркса и Энгельса в 1848 г., поскольку ситуация в Европе в середине XIX в., по их мнению, больше всего напоминала ситуацию в России в начале 900-х годов. В большом ходу в меньшевистской публицистике (А. С. Мартынов [Пиккер] и др.) были также аналогии с эпохой Великой французской революции конца XVIII в.» (*Тетюкин С. В.* Меньшевизм как идейно-политический феномен // Меньшевики: Документы и материалы 1903–1917 гг. М., 1996. С. 14).

6 Неизвестный *Богданов*. В 3-х книгах. М., 1995. Кн. 2. С. 92.

7 *Бухарин Н. И.* Путь к социализму в России: Избранные произведения. N. Y. 1967. С. 157–159, 162.

8 *Гройс Б.* Стилль Сталин // Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993.

9 Цит. по: К годовщине смерти В. И. Ленина. 1924 — 21 января — 1925. Сб. статей, воспоминаний и документов. Л.; М., 1925. С. 20.

10 Ср.: «Не стоит полностью отождествлять официальную культурную политику тех лет с личностью ее главного творца. Он позволял себе, в определенных пределах, и не считаться с нею, отходить от нее» (*Громов Евгений.* Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 6).

11 О сталинской псевдостатистике см.: *Лацис О.* Перелом // Вождь. Хозяин. Диктатор. М., 1990. С. 101; *Маслов Н. Н.* Об утверждении идеологии сталинизма // История и сталинизм. М., 1991. С. 66–67.

12 См.: Большевицкое руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996. С. 312—314.

13 Реальные цифры таковы: «Население СССР, например, с осени 1932 по апрель 1933 г. сократилось на 7,7 млн. человек, главным образом за счет крестьян». (Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьба российского крестьянства / Под общей ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 361).

14 Авторханов А. Технология власти. Frankfurt/Main, 1976. С. 406—407.

15 Ср. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов // Указ. соч. С. 282; Авторханов А. Указ. соч. С. 410. Ср. также в сталинской речи на I съезде колхозников-ударников (1933) цифры, характеризовавшие классовое расслоение накануне коллективизации: «На каждые 100 дворов в деревне можно было насчитать 4-5 кулацких дворов, 8 или 10 дворов зажиточных».

16 Ср. Лацис О. Перелом // Указ. соч. С. 104.

17 Микулина Е. Соревнование масс. М.; Л., 1929. С. 41, 45—46.

18 Волгогонов совершенно убедительно усматривает в этом, как и во многих других замечаниях генсека, скрытую полемику с ленинской оценкой Бухарина. — Указ. соч. Кн. I, ч. 1. С. 14.

19 Иногда оба варианта — укрывание за спиной «мы» и перенос вины на низовых руководителей — у него совмещаются; ср. «Мы виноваты в том, что целый ряд наших партийных руководителей оторвались от колхозов... Мы виноваты в том, что целый ряд наших товарищей все еще переоценивает колхозы».

20 Волгогонов Д. Указ. соч. Кн. II. Ч. 1. С. 187.

21 Kohut, H. The Analysis of the Self: A Systematic Approach to the Psychological Treatment of Narcissistic Personalities Disorders. N.Y. 1971.

22 Аналогичной практики — вероятно, от избытка осторожности — он придерживается и в критических ситуациях 1917 года. «Одной из удивительных особенностей августовских публикаций Сталина, — озадаченно пишет Р. Слассер, — было то, что ни одна из них не носила никаких указаний на его авторство» (Слассер Роберт. Сталин в 1917 году: Человек, оставшийся вне революции. М., 1989. С. 233).

23 В этой теологической стилистике Сталин отчасти следует за Лениным, писавшем в «Государстве и революции»: «Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму».

24 По определению Михаила Геллера, в сталинские времена «утверждается доктрина, отличающаяся одновременно гибкостью и жесткостью: она может меняться мгновенно, переходить в свою противоположность, но в промежутке между переменами — она абсолютна неподвижна» (Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. 2-е изд. London, 1986. С. 282).

25 Момент отчужденности подчеркнут интонацией неполного знания о «нас»: ведь вместо четко отстраненного (и несколько даже несуразного) «я думаю, что напоминают», куда более уместным выглядело бы простое «могут» или «должны нам напоминать»; вторая, противоположная, функция этого неуверенного «я думаю» — обозначить как раз коллективистскую скромность вождя, деликатно отказывающегося от тиранической речевой позиции.

26 Волгогонов Д. Указ. соч. Кн. I. Ч. 1. С. 217.

27 Орлов Александр. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк — Иерусалим, 1983. С. 135.

28 Общее число этих писем насчитывало не менее 50 тысяч (Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов // Судьбы российского крестьянства / Под общей ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 283).

29 Тынянов Ю. Словарь Ленина-полемика (1924) // Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965. С. 222—223.

30 Специальный циркуляр, по его настоянию, был все же составлен. Но и там, как замечает Волгогонов, комментируя этот документ, «по существу, создавалась широкая возможность подвести под раскулачивание самые различные социальные элементы» (Волгогонов Д. Указ. соч. Кн. I. Ч. 2. С. 18). См. также: Lewin M. Who was the Kulak? // Soviet Studies. 1966. № 2; Медведев П. А. К суду истории: Генезис и последствия стали-

низма. N.Y., 1974. С. 201; *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918—1921 гг. Иерусалим, 1987. С. 221 — 222; Голос народа: письма и отклики рядовых граждан о событиях 1918 — 1932 гг. [По материалам «Крестьянской газеты»]. М., 1998. С. 102.

31 Ср.: «На эти «братья и сестры» тогда обратили внимание многие. В них слышалось нечто традиционно-русское, православное, душевное» (*Громов Е.* Указ. соч. С. 320). Примерно так же оценили текст западные историки, например, Ян Грей: «Это была историческая речь, — проникновенно пишет он, — лишенная риторики, взывающая к национальной гордости народа и коренному русскому инстинкту — защищать свою родину. Он говорил как друг и как вождь, и в речи была та уверенность, которой все ждали от него <...> “Товарищи, граждане, братья и сестры...” — таковы были первые его слова. Они разительно отличались от его обычной формы обращения и вмиг сплотили аудиторию с ним восдино <...> Временами Сталин преувеличивал и оправдывался, но не скрывал правду» (*Grey, Jan.* Stalin: Man of History. London, 1979. P. 329).

32 Цит. по: *Андреева Екатерина.* Генерал Власов и Русское освободительное движение. Приложение 3. London, 1990. С. 339. Кстати, это далеко не единственный пример того воздействия, какое сталинская риторика оказывала на власовское движение, ментально соприродное советскому режиму. Штрик-Шрикфельд приводит рассказ видного деятеля РОД, Жиленкова (который, ко всему прочему, был еще и редактором Манифеста), о его встрече с Геббельсом в начале 1945. Когда тот вернул, что РОД можно было бы «распустить, если бы члены его вздумали повернуть против Третьего рейха, Жиленков как бы резко изменил тему разговора и спросил Геббельса, кто открыл Америку? И терпеливо ждал, пока Геббельс не сказал, что Колумб. — Да, — сказал тогда Жиленков. — Колумб открыл Америку. И Америка существует. А попробуйте, господин министр, теперь закрыть Америку? То же и с Русским освободительным движением» (*Штрик-Шрикфельд В.* Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское освободительное движение. Frankfurt/Main, 1975. С. 173). Нацист, посрамленный Жиленковым, не знал, что этот комиссар (и бывший секретарь одного из московских райкомов) всего лишь приспособил к новым условиям отрывок из доклада Сталина «О проекте Конституции» (1936), где, высмеивая антисоветские взгляды германского офицера, тот сопоставил их с резолюцией шедринского бюрократа: «Закрывать снова Америку!».

33 Большевицкое руководство. Переписка. 1912—1927. С. 71.

34 Можно, наконец, сослаться и на прямое свидетельство самих адресатов, обретавшихся по другую сторону фронта: «Советская пропаганда называла население «братьями и сестрами во временно занятых немцами областях». В этом названии было больше поэзии, чем истинного отношения советского правительства к оставшейся у немцев части народа. На практике советская политика рассматривала этих братьев и сестер как лютых врагов. Против них, главным образом, чаще, чем против немцев, и направлено было оружие партизан» (*Казанцев А.* Третья сила. История одной попытки. Frankfurt/Main, 1974. С. 212).

35 См. очень дельный разбор этого вопроса у Волкогонова, который аргументированно связывает его с семинаристскими пристрастиями Сталина (*Волкогонов Д.* Указ. соч. Кн. II. Ч. 2. С. 139—140).

36 *Пронн В. Я.* Поэтика фольклора. М., 1998. С. 254.

37 Там же. С. 253.

38 Вот образец совершенно другого подхода. В декабре 1926 Троцкий на VII пленуме ИККИ напомнил о том хорошо известном факте, что весной 1917, до приезда Ленина в Россию, Сталин (в дружеском согласии с Каменевым) проводил в редактируемой им «Правде» курс на поддержку Временного правительства, резко расходившийся с позицией Ленина (письма которого они с Каменевым, кстати, просто не пропускали к печати). (Подробнее об этом: *Слассер Р.* Сталин в 1917 году: Человек, оставшийся вне революции. С. 31.) Резонно предположить, что Сталин как соредактор «Правды» «целиком и полностью» отвечал не только за собственные публикации, но также за аналогичные материалы своего коллеги и единомышленника. Но нет — бесцеремонно свалив всю вину на Каменева, он теперь решительно отказывается от какой бы то

ни было — «моральной» и прочей — ответственности за эти совместные действия: «Фокус тут в том, что Троцкий спутал меня с Каменевым. Это верно, что Каменев стоял тогда в оппозиции против Ленина, против его тезисов, против большинства партии и развивал точку зрения, граничащую с оборончеством. Это верно, что Каменев тогда писал в «Правде», например, в марте месяце, статьи полуоборонческого характера, за каковые статьи я не могу, конечно, отвечать *ни в какой степени*». Кумулятивная связь, процесс генерализации внезапно обрублены.

39 Камерон видит некий зловещий симптом — знак догматизма и отступления от диалектики Маркса и Ленина — в том, что перечисляя «основные черты» диалектического метода, Сталин поместил единство и борьбу противоположностей на последнее место в иерархическом списке и вдобавок обошел молчанием «отрицание отрицания» (вызывающее, правда, скепсис у самого автора) (*Cameron K. N. Stalin: Man of Contradiction*. P. 147, 149). В этой критике я не вижу ничего, кроме пугливых марксистско-ленинских суеверий, — диалектика как базисная черта всего интеллектуального и поведенческого строя сталинской личности не подлежит никакому сомнению.

40 *Пропи В. Я.* Указ. соч. С. 259.

41 *Ходасевич Владислав.* Соч. В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 13.